

РШВ

Preis
1
Mark

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Herausgeber: I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff

Подписная цѣна. Во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Германіи 20 мар., въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкою собственными разсылными ежедневно на домъ — 20 мар., при ежедневной непосредственной высылкѣ банкерою — 40 мар. въ мѣсяцъ. Въ Германіи: Во Францію — 6 фр., Бельгію — 6 фр., Голландію — 1½ фл., Данію — 3 кр., Норвегію — 3 кр., Швецію — 2 кр., Англію — 4 шилл., Италію 10 лиръ, Америку — 1½ долл., Швейцарію — 3 фр., Испанію — 3 пез., Финляндію — 50 герм. мар., Латвію — 50 герм. мар., Австрію — 40 герм. мар., Венгрію — 50 герм. мар., Чехо-Словакію — 50 герм. мар., Румынію — 50 герм. мар., Болгарію — 50 герм. мар., Турцію — 50 герм. мар., Литву — 50 герм. мар., Эстонію — 50 герм. мар., Юго-Славію — 50 герм. мар., въ Польшу — 50 герм. мар. въ мѣсяцъ. Для военнопла. скидка въ 2 мар. въ мѣс. Къ заказу просить прилагать деньги, во избѣжаніе замедленія высылки.

Объявленія: основная плата 4 м. за строку конпарели (ширина строки — одна десятая часть страницы) и 50%, прибавки на дороговизну — итого 6.— мар., для врачей, присяжныхъ повѣрнхъ, ищущихъ мѣстъ и для розысковъ пониженныхъ цѣны. При крупныхъ заказахъ указанныя цѣны не обязательны. Заграничныя объявленія по особому тарифу. Приемъ объявленій и подписки въ „Ullsteinhaus“, Berlin BW 68, Kochstrasse 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ullstein'a, а также и въ редакціи газеты „Руль“, Berlin SW 68, Markgrafstrasse 73. Редакція открыта ежедневно отъ 11 часовъ дня до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ ½2 до ½3 час. дня. Телефонъ редакціи: Moritzplatz 47-61.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

При ближайшемъ участіи **I. В. Гессена, проф. А. И. Каминки и В. Д. Набокова.**

Театр и музыка.

Московские художники. «Вишневый сад».

Къ вечеру выпалъ чужой снѣгъ—крупный, свѣжій, липкій, но тотчасъ же, осѣлъ, расплылся въ темныя, пахнущія октябрьемъ лужи.

А на сценѣ театра съ голубымъ занавѣсомъ вчера цвѣлъ вишневый садъ, за окнами свѣтлой, угловой комнаты распустились въ первомъ весеннемъ цвѣту тонкія разбросанныя вѣтки и играли пятна утренняго солнца на пожелтѣвшихъ старыхъ обояхъ.

Конечно, не спектакль, «...такъ, по прямой дорожкѣ между облыхъ цвѣтущихъ деревьевъ, мнѣ кажется, идетъ ко мнѣ моя мама—сказала усталая женщина, прислонившись къ косяку окна. Мы не только повѣрили этимъ чудеснымъ словамъ, въ этотъ вечеръ актеры—странно называть этихъ необычайныхъ людей актерами—заставили, сумѣли заставить насъ отрѣшиться отъ жизни, текущей за стѣнами зрительнаго зала.

Въ этотъ вечеръ, на подмосткахъ, выстъ съ вишневымъ садомъ расцвѣтала чуднымъ цвѣтономъ русская душа и такимъ ароматомъ своего, настоящаго, пахнуло отъ каждой сцены, отъ мимолетной, молчаливой игры, что показалось на мгновеніе «вотъ пикогда и не уѣзжали, не разставался со своими». Не на отдѣльныхъ актеровъ смотрѣли мы—это были мы сами, и наша жизнь встала передъ нами, прошла, какъ живая и, думается, очень неправъ тотъ господинъ, который въ антрактѣ, сдвинувъ брови, долго говорилъ на тему, что слезы, очень у многихъ появившіяся за время этихъ трехъ-четыреохъ часовъ—признакъ излишней, сладкой сентиментальности, «въ то время, когда дома такіа катастрофы... голодь»... Бываютъ минуты очень рѣдкаго наслажденія, наслажденія до слезъ—такіа минуты на перелѣтѣ и теперь въ нихъ то, что накопилось за долгіе, молчаливые годы скитаній и если при видѣ кусочка голубого неба мы еще способны ощущать радость его—значить живы еще, не умерли наши бѣженскія души и свѣтятся въ отвѣтъ на то безконечно-дорогое тепло, которое источаютъ эти историческіе для насъ вечера.

Спектакли художниковъ—молитва, «за всѣхъ усталыхъ въ чужомъ краю» и не хочется, не выжется какъ то съ самимъ духомъ и впечатлѣніемъ спектакля писать сухія рецензіи-отчеты. Что новаго скажешь о Чеховѣ, о лучшей его пьесѣ «Вишневый садъ»? Или развѣ поставить легкомысліе Раневскихъ и Гаевыхъ въ прямой первоисточникъ большевизма, или упомянуть о томъ, что Лопатинъ казался бы слишкомъ деликатнымъ сродни дѣльцамъ новѣйшей формаци и остался бы за бортомъ, «бѣлой воробей» въ нынѣшней эпохѣ?—Не этими размышленіями цѣнно воспріятіе здѣсь художественнаго театра.

У одной моей доброй знакомой, днями бѣгающей по дешевымъ работамъ, а вечерами отдыхающей довольно своеобразно надъ чудомъ сохранившейся въ переѣздахъ истрепанной картой Москвы: «вотъ тутъ Арбатъ, справа—церковь, Никольскій переулокъ, на углу аптека, а здѣсь—мы жили»...—у этой знакомой на стѣнѣ карточки: матери, оставшейся въ Севдѣніи, брата, убитаго въ Добарминѣ и В. И. Качалова въ Чацкомъ. Пожелтѣвшія, съ потертыми краями—сколько странствій испытать этотъ послѣдній багажъ? Такое соединеніе для насъ понятно. Не актерами, не простымъ театромъ были для насъ люди со знакомъ «чайки»—живымъ кускомъ насъ самихъ и теперь кажется вострѣча съ ними—нежданная радость: точно самихъ себя нашли. Вѣдь меньше всего актерскаго видѣли мы въ этихъ привычныхъ, слившихся съ нами, людяхъ.

А исполненіе «Вишневаго сада» поистинѣ поразительное. Спектакль захватываетъ въ каждой своей мелочѣ—сыгранность и ансамбль, котораго заграничей не встрѣтишь и который исключителенъ даже для эмигрантскихъ гастролей.

О. Л. Книпперъ-Чехова—Раневская. Вѣдь въ одномъ только вишневомъ обликѣ читателя вся исторія создаваемаго ею образа. Необычайная мягкость, констативность и усталая печаль; скорбныя линии у губъ и глаза, молчаливые даже во время самаго яркаго смѣха. И съ какой необычайной простотой достигается моментами высшее напряженіе! Трудно назвать все это игрой—жизненная правда, возведенная до предѣловъ художественности.

А качаловскій Гаевъ? Каждая деталь въ немъ живетъ, болѣе полное перевоплощеніе трудно себѣ и представить. Гримъ, черточка на лицѣ, походка—все живетъ, все даетъ полное представленіе объ обра-

зѣ;—то вылитый портретъ и трудно, невозможно представить, что на сценѣ—актеръ, исполняющій извѣстную роль. Такъ въ театрѣ не играютъ, такъ живутъ.

Удивителенъ Лопатинъ Массалитинова, всей своей крѣпко сколоченной фигурой противостоящій непрактичнымъ владѣльцамъ вишневаго сада—въ ней и упорство, и гдѣ то глубоко затасанная за этимъ коренастымъ лбомъ страстная мысль о своеобразной мести. И какой великолѣпный, логически тонко доведенный прорывъ—финалъ третьяго дѣйствія!

Яркая, выхваченная фигура Вери Крыжановской, слѣпанная съ большимъ мастерствомъ. Большимъ тепломъ и любовью вѣетъ отъ образа этой милой «монашки». Съ хорошей искренностью, рѣзко обрисовала студента Трофимова Берсаневъ, превосходная Аня Тарасовой и Фирсъ Павлова. Олицетворенная наглость и лакейское хамство у Яши Александрова и очень хороши Пипчикъ Бакшеева, Дуниша Орловой и Шарлотта Гречъ.

Для насъ, русскихъ безъ Россіи, такой спектакль необычаеое утѣшеніе.

Ю. Офросимовъ.